

Константин **ДРОЗДОВ**,
кандидат исторических наук

ГЕРОЕВ БЫЛО НЕ ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

В последнее время стало модным развенчивать всякого рода мифы, в первую очередь связанные с советской историей. Но увлечшись этим занятием, многие современные исследователи, что называется, вместе с водой выплеснули и ребёнка. Это касается и подвига двадцати восьми панфиловцев. Ещё в 1990-е годы появились первые критические публикации, в которых подвиг двадцати восьми панфиловцев ставился под сомнение и признавался литературным вымыслом военных журналистов. Сегодня, по сути, поставлен под сомнение не только сам факт боя с немецкими танками 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, но и героические действия под Москвой всей панфиловской дивизии¹. Тогда возникает справедливый вопрос: почему, если не было никаких героев-панфиловцев, «доблестные германские войска» так и не смогли захватить Москву?

Зима сорок первого года —
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать.
А всё же, когда непогода
Забыть не даёт о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне...

Константин Симонов

В этой статье мы представим на суд читателя новые документы из научного архива Института российской истории (ИРИ) РАН. Это стенограммы бесед с панфиловцами, участниками боёв под Москвой, записанные сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны в 1942–1947 годах². В них рассказывается о том, как сражалась панфиловская дивизия в ноябре–декабре 1941 года в боях под Москвой. И пусть читатель сам судит, что это было — подвиг или вымысел.

Но для начала остановимся на том, какие доказательства сегодня приводятся в пользу того, что подвига 28-ми не было. Как это ни удивительно, но оказывается, что вся доказательная база — это всего лишь следственное дело И. Е. Добробабина, одного из шести оставшихся в живых панфиловцев, который был осуждён за измену Родине уже после войны. На материалах следственного дела военная прокуратура составила справку о 28 панфиловцах на 11 листах, на основе которой, в свою очередь, была подготовлена информация секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову в июне 1948 года на четырёх листах. В обоих документах сделан категоричный вывод: «Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещённый в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора «Крас-

В. Богаткин. На подступах к Москве. Бой с немецкими танками. Литография. 1941 г.

ной звезды» Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого»³.

Но следователи военной прокуратуры ошибались. Впервые о героических действиях панфиловской дивизии под Москвой в ноябре 1941 года написали не Коротеев, Чернышёв (военный корреспондент газеты «Красная звезда») и Кривицкий, а корреспондент Г. Иванов! В своей статье «8-я Гвардейская дивизия в боях» от 18 ноября, которая была помещена в «Известиях» 19 ноября 1941 года — спустя всего лишь два дня после боя у разъезда Дубосеково, — он писал о героических действиях одной из рот воинской части командира Капрора. Приведём полностью отрывок из этой корреспонденции, касающийся боя, который вели подразделения 1075-го полка 16 ноября.

«Немецкое командование начало наступление на левом фланге части командира Капрора. Фашисты бросили в бой 60 танков и до одного полка пехоты. Противник намеревался вклиниться в расположение одного нашего подразделения, форсированным ударом пробить линию обороны и выйти в наш тыл.

Разгадав замыслы врага, тов. Капрор произвёл перегруппировку, обеспечивая надёжное охранение флангов.

В 10 часов утра с опушки леса боевым порядком пошли в атаку неприятельские танки. Они двигались развёрнутой линией. Наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь. Во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота. Подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами.

Группа немецких танков окружила подразделение советских бойцов, открыла кинжальный огонь.

Положение становилось угрожающим, но никто из красноармейцев не оставлял своего боевого места.

А немецкие танки продолжали двигаться вперёд, сжимая кольцо, гремя стальными гусеницами.

Было два выхода из положения: или фашистские танки наскочат на наше минированное поле и приостановят атаку, или... надо противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью пробить путь вперёд, выйти на соединение с основными силами.

Один немецкий танк взорвался на минированном поле, остальные начали обход этого участка.

И тогда совершилось то, о чём нельзя говорить без восторга. Бойцы спрятались в окопах и стали ждать. Оставалось либо выявить себя и быть уничтоженным пулемётным и артиллерийским огнём, либо зарыться в землю, подпустить неприятеля на близкое расстояние, забросать его танки гранатами.

Люди избрали второе и добились успеха.

Как только враг приблизился на 25–30 метров, группа героев обрушила на него шквал противотанкового огня.

В результате горячей схватки девять танков противника были подбиты, три сожжены, а остальные, не выдержав упорного сопротивления смельчаков, повернули обратно.

Отбив атаку, наша стрелковая рота выдвинулась вперёд и, пользуясь замешательством врага, соединилась со своей частью»⁴.

Что же здесь правда, а что — литературный вымысел? Используя уже известные архивные материалы следственного дела Добробабина, а также неизвестные или малоизвестные материалы стенограмм бесед с панфиловцами из архива ИРИ РАН, мы попытаемся реконструировать обстановку и ход боевых действий 16–17 ноября сначала в полосе обороны 1075-го полка, подразделения которого находились возле разъезда Дубосеково, а затем и остальных двух полков панфиловской дивизии — 1073-го и 1077-го.

В 1948 году бывший **командир 1075-го полка И. В. Капрор рассказывал следователям прокуратуры:** «С раннего утра 16 ноября немцы сделали большой авиационный налёт, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10–12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли...» И далее: «Около 14.00–15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причём шли они развёрнутым фронтом, волнами, примерно по 15–20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причём главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40–45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажёг сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался через железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20–25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше»⁵.

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем, Героем Советско-

го Союза, одним из участников боя 28-ми панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых. Запись была сделана 22 декабря 1942 года в Москве, в госпитале.

«Приказали окопаться около разъезда Дубосеково. Окопались. Приезжают Панфилов и Капрор — командир полка. «Кто вам разрешил здесь окопываться?». Мы говорим: командование. «Не здесь надо окопываться. Вот на этом бугре окопывайтесь, около дороги». Где командование сказало, там и стали окопываться. Мы опять окопались. Взяли лошадей и сани и давай шпалы возить, укрепления делать. У нас с правого фланга была ложбинка, а с левого фланга луг большой, который подходил к линии железной дороги. Дорога как раз шла из д. Ждановой. Мы на этой дороге окопались и укрепились. Два ряда шпал накатником накатали, замаскировались. Нас назначили в боевое охранение. На горе около д. Ждановой были большие окопы выкопаны. Я стоял на посту. Не помню какого это было числа, то ли 10-го, то ли 11-го... Вдруг мина пролетела и взорвалась недалеко около этой деревни. Я забежал в избу и говорю политруку Клочкову:

— Из миномётов начинают по деревне!

— А много?

— Нет, — говорю, — одна пролетела дурная, но считал долгом вам сообщить.

Потом слышу, с той стороны деревни из автоматов стали стрелять по нас. Когда из автоматов стали стрелять, я заскочил в избу и говорю: «Давайте в ружьё! Тревога!».

Все повыскачили, похватили винтовки и давай напором идти по этой деревне. В это время начали стрелять по опушке леса. Мы стали отстреливаться. Немцы сперва сопротивлялись, потом стали отступать. Отступать стали в лес. Скопились на опушке леса, тут мы стали ловить их на мушку. Убили мы тут человек 30. Всего их было человек 50. Остальные отошли. Мы — опять на исходные позиции в деревню, повыше поднялись. Смотрим, как раз против наших окопов машина за машиной. Десять автомашин идёт, пехоту везут. Мы сразу в окопы, по окопам расположились. Они начали стрелять. Там около шести часов держали схватку. Глядим — три танка идут. Нас была человек в 30 группа. Танки идут, а у нас патроны на исходе, нечем стрелять. Свяznego послали, но свяznego не вернулся. Бились-бились, политрук Клочков говорит: «Патроны на исходе, давайте отойдём на исходные позиции, потому что нас могут захватить».

Немцы заняли эту деревню Жданово. Боевое охранение послали в Красиково, где стоял второй взвод. Туда пять человек немцев устремились в разведку. Недалеко наш взвод был, а мы находились в окопах около разъезда Дубосековского. Они прибегают и говорят, что много немцев заняли Красиково. Коман-

дир роты говорит: «Давай, второй взвод, сейчас же окружить деревню и взять!»

Мы эту деревню обошли, выгнали немцев, взяли в плен двух, двух убили, один убежал, три автомата взяли, ручной пулемёт взяли. Пришли на исходные позиции опять в Дубосеково. Это было числа 13-го. Мы тут два дня или три побывали.

Числа 16-го нам выдавали заработную плату, старшина привёз. Мы попеременно ходили получать заработную плату, в ведомостях расписывались.

16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги, и нам доставалось порядочно. Самолётов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки колонна автоматчиков из д. Красиково вышла. Шли они в полный рост. Как раз бугор перед ними был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а они подходят совсем близко. Потом сержант Добробабин, помкомвзвода был, свистнул. Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьём, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денёк хороший был.

Автоматчиков мы отбили. Тут у нас недолгая схватка была. Уничтожили человек под 80. Там не до счёту, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Ключков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

— Как выдержали схватку?

— Ничего, выдержали.

Мы думали, что, отбив атаку автоматчиков, нам придётся продвигаться вперёд. Но команды «вперёд» нам не дали.

Политрук Ключков заметил колонну танков. Говорит: «Двигутся танки, придётся ещё схватку терпеть нам здесь». Танков шло штук 20. Он говорит: «Танков много идёт, но нас больше. 20 штук танков, не попадёт на каждого брата по танку».

Мы все обучались в истребительном взводе. Ужаса сами себе не придавали такого, чтобы сразу в панику удариться. Мы в окопах сидели.

— Ничего, — говорит политрук, — сумеем отбить атаку танков: отступить некуда, позади Москва.

Стали на той почве, что не будем отступать и всё. Бойцы тоже.

Танки стали продвигаться по направлению к нашим окопам, придвинулись совсем близко к окопу. Офицер вылез из танка и закричал: «Рус, сдавайтесь в плен!» Тут сразу в него несколько залпов положили. Но тут изменник вышел с правого фланга, поднял руки кверху, ударился в панику.

Когда мы ехали на фронт, то мы говорили, что паникёрам и трусам нет на советской земле места, их должна карать своя же рука и наша партия.

Герой Советского Союза Г. М. Шемякин.

В него прогремело несколько залпов. Стрелял в него я сам лично.

Приняли бой с этими танками. С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. Приходилось выскакивать из окопа. Команду политрук подавал:

— Принять бой с танками, вылезти из окопов!

Начали выскакивать из окопов и под танки связки гранат подбрасывать. Подбросишь связку гранат под гусеницы танка, сам убегаешь в сторону и ложишься на землю. На экипажи бросали бутылки с горючим. Взрывы слышали. Что там рвалось, не знаю, только здоровые взрывы были в танках. Если не на экипаж бросишь, то на задний мотор бросишь или на бензиновый бак бутылку с горючим.

Как раз перед этим боем, числа 15-го, мы получили бутылки с горючим. Наш истребительный взвод вызвали подарки получать. Говорят: «Подарки привезли, идите получать». Стояли мы тогда в большом селе Петелино. Мы думали подарки, как на северо-западном направлении получали. Приходим туда. Командир роты говорит: «Ну, давайте получать». Открыл ящик, достаёт. «Не думайте, что подарки только нам, и Гитлеру подарок к празднику». Какой праздник был, я, конечно, не знаю. Мы тогда получили большое количество и бутылок с горючим, и гранат.

Мне пришлось два танка подорвать тяжёлых. Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков пять отступили в обратную сторону за деревню Жданово.

После этой схватки небольшая передышка была, так минут 30, наверное. В первом бою потерь не было. Может быть, были потери с правого фланга. На моём левом фланге потерь не было.

Политрук Ключков заметил, что движется вторая партия танков, и говорит: «Товарищи, наверное, помирать нам здесь придётся

во славу родины. Пусть родина узнает, как мы дерёмся, как мы защищаем Москву. Москва — сзади, отступать нам некуда».

Так нам говорил всем. Танки стали приближаться к нам совсем близко. Когда приблизилась вторая партия танков, Ключков высочил из окопа с гранатами. Бойцы за ним. Но мечта уже была потеряна, настроение было уже не такое, как при первой схватке, нервы уже не такие были. Прямо бежишь, как сумасшедший. Из окопа выскакиваешь, бежишь, зубы стиснув. Думаешь — всё равно помирать так помирать, бить так бить. С таким настроением выскакивали из окопов и шли.

В этой последней атаке я два танка подорвал — тяжёлый и лёгкий. Танки горели. Потом под третий танк я подобрался, который был левее меня, танк был тяжёлый. Он шёл по направлению ко мне. Я подбежал к нему с левой стороны. С правой стороны Пётр Сингербаев — казах — подбежал к этому танку. Я помню, что бросил связку гранат. Не помню, в связке было 4-5 или 6 штук гранат. Тут меня ранило. Немец бил из дальнобойных по нас. Когда первая партия группами прошла, он стал бить из крупнокалиберных и дальнобойных по этому месту. Хотел разбомбить, чтобы пропустить второй эшелон танков. Попадания были и по левому, и по правому флангу.

Правый фланг отошёл, левый фланг отошёл, мы остались одни на этом бугорке. Под пятым танком меня ранило. Получил три осколочных ранения и контузию. Меня направили в Павлов Посад в госпиталь. Когда меня привезли, я уже разговаривать стал, я спросил, где я был. Мне говорят, что ты был в санбате, был в дивизионном госпитале, а сейчас на эвакуации. Там меня мало продержали, на эвакуацию отправили»⁶.

Шемякин Григорий Мелентьевич, Герой Советского Союза, один из участников боя 28-ми панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых, направил 24 октября 1942 года в Москву, в Комиссию по истории Великой Отечественной войны свою автобиографию, в которой, в частности, писалось:

«...В 1941 году в июне 23 числа я был призван в Красную Армию. Меня призвали в 316 С. Д. 1075 полк 2-й батальон 5-я рота 1-й взвод 1-е отделение рядовым стрелком. Наша дивизия действовала на московском направлении. Когда был отдан приказ отбросить врага от Москвы, мы вели наступательные бои. Два раза были в окружении. В этих боях я истребил 57 фашистов. В декабре месяце, я не помню какого числа, наш взвод в количестве 28 чел. был в засаде, когда нависла опасность, т. е. на нас двигалось 50 фашистских танков. Командир наш приказал: ни шагу назад, за нами Москва! Между фашистскими танками и нашим взводом завязался жестокий бой. Я сам лично забрасывал танки врага

гранатами и бутылками с жидкостью. В этом жестоком бою земля горела вместе с фашистскими танками. Мы в дружном бою не отступили, выполнили воинскую присягу и приказ своего командира. Танки от нас дальше не пошли. Они были уничтожены нами. Сколько с нас осталось живых, я помнить не могу, ибо во время боя я был тяжело ранен в левую ногу... я был без сознания.

В этом и заключается мой героический подвиг. С поля боя меня эвакуировали в Москву. С Москвы я попал в город Медногорск в госпиталь, там я пролежал 3 месяца...»⁷

Из стенограммы беседы с Шемякиным Григорием Мелентьевичем от 3 января 1947 года. Запись сделана в Алма-Ате.

«Вначале мы поехали на Ленинградский фронт, на станцию Крестцы. Оттуда нас перебросили под Москву.

Первый бой мы принимали у совхоза Булычёво.

Немец всё лезет. Мы объявились добровольцами, набрали гранаты, бутылки с горючей смесью и пошли на разъезд Дубосеково. Когда мы подошли, мы начали рыть себе окопы.

Когда мы в совхозе Булычёво принимали бой, мы разбились заново. Я попал из 5-й роты в 4-ю. Тут говорят:

— Кто пойдёт в качестве добровольцев истреблять танки?

Мы пошли. Из нашего района был Конкин Григорий. Мы были с ним всё время. Конкин из совхоза Чапаева, я из совхоза Ворошилова. Мы с ним всё время были вместе.

Мы пошли добровольно. Набрали гранаты, бутылки, противотанковые ружья. Стали копать окопы.

Приезжает генерал Панфилов, говорит:

— Вам здесь не место, можете здесь развестись.

Нас перевели к самому разъезду Дубосеково, метров за двести. Там выкопали окопы. Копать было трудно: земля была мёрзлая.

Утром 16 ноября налетают немецкие самолёты, стали нас бомбить. Пробомбили — улетают. А мы остались целы. Смотрим — идёт пехота, автоматчики, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Добробабин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили — откуда свист. Они считали, что после бомбёжки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемёта, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки.

В этот момент подошёл политрук Ключков. Поздоровался. Нас стало 29.

Когда пошло на нас 20 танков, один струсил. Мы его расстреляли. Осталось нас опять 28.

Тут командовал политрук Ключков. Он говорил:

— Не страшно. Немного танков идёт: на каждого не хватает по танку, ничего, не страшно.

Когда мы стали драться, сбили 15 танков, 5 повернули обратно. Там был такой дым, что ничего не было видно.

Из противотанкового ружья я сбил два танка.

После того, как мы сбили 15 танков, а 5 танков повернули назад, на нас пошли ещё 30 танков.

Политруку Ключкову говорят:

— Вы ошиблись: вы говорили, что не хватает по танку на брата, а сейчас больше, чем по два.

Он говорит:

— Ничего, не страшно. Велика Россия, но отступать некуда: позади Москва.

Вначале было страшно, но потом озверели так, что и страха не было. Когда дрались с последними танками, осталось танков 6 или 7. Два кинулись на меня. Я в первом успел перебить гусеницу, второй наступает на меня. Я забегая в окоп. Танк перебегает через окоп. Когда танк перескочил через окоп, я выскочил из окопа, перебивая гусеницу. Когда танк загорелся, откуда-то получился взрыв. Меня ударило в левую сторону, ногу перебило, я потерял сознание.

Очнулся в Москве.

Я помню только Гришу. Когда он кинул гранату в танк, в это время из дыма выскочил другой танк и раздавил его.

Там трудно было что-нибудь видеть. Смог только за собой.

Из остальных героев я знал Конкина, Митина, Добробабина, Васильева. Митина и Конкина я знал потому, что мы были в одном взводе. С Конкиным мы из одного села, из соседних колхозов. Когда мы пошли в армию, мы все время были вместе.

В этом бою я был ранен и контужен. Меня подобрали и отправили в Москву. Из Москвы меня эвакуировали в Медногорск. Там я лежал до марта 1942 года...»⁸

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 года в Алма-Ате.

«...Во время боя в Дубосеково я был помощником начальника штаба полка. По условиям службы я обязан был находиться в войсках.

16 ноября наш полк стоял так: один батальон занимал высоту 251,0, рубеж от деревни Петелино, на самом левом фланге был сначала пулемётный взвод, который потом усилили, дав до полувзвода пехоты. Левее нас около трёх километров не было никого, до следующей части. Этому значения не придавали, по-

скольку там было заболоченное место, лес, и это было как боевое охранение.

Мы с командиром 15 ноября были там в окопах, проверяли всю оборону до боя. Вечером, когда оттуда уезжали, там было 28 человек, командиром был Ключков. Он возглавлял всю эту группу. Провёл он там беседу. Когда мы с командиром полка уезжали, он стал проводить беседу. Мы перед этим слушали лекцию о втором фронте. Он начал проводить беседу о втором фронте. Комиссара полка Мухамедьярова⁹ вызвали в один из полевых госпиталей.

17 ноября вечером мы отошли после того, как 16-го продержались. Рубеж, который защищали 28 панфиловцев, был оставлен ночью с 16-го на 17-е. Там был Натаров¹⁰. Он рассказывал об этом бое.

У нас никто значения этому не придавал, может быть, неправильно, считали эпизодом, которых было много, как проявление героизма, которых было много.

Натаров был вынесен оттуда. Он рассказывал об этом бое и сказал, что все погибли, кроме меня. Когда подошли к ним на помощь человек пятьдесят, то там бой уже закончился, и немцы заняли первые окопы.

Наша часть начала атаку. Немецкая рота, которая там была, была выбита оттуда, но потом мы получили приказ оставить этот рубеж, отойти на следующий»¹¹.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 года на станции Перхушково.

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев — особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках.

Про 28 героев я не хочу рассказывать, потому что это вам хорошо известно, могу рассказать о других товарищах, в частности о тов. Ключкове, политруке...

За боевые подвиги, проявленные в первых боях под Волоколамском, представлен к правительственной награде орденом Красного Знамени. И он был награждён орденом Красного Знамени. О нём мы были очень хорошего мнения. Считали 4-ю роту самой надёжной, такой ротой, которая могла нести службу на самых ответственных участках. Неспроста она была поставлена на разъезде Дубосеки [так в документе. — К. Д.], на левом фланге нашего полка...»

И далее: «Когда немцы повели наступление на участке второго батальона, в частности 4-й роты, они прорвать там не могли — двадцать восемь не пропустили. Тогда немцы взя-

ли правее, повели наступление на 5-ю роту того же 2-го батальона. Наступление повели танками, автоматчики сидели на танках. 5-я рота приняла на себя всю тяжесть этого боя. Дралась стойко. Не было ни одного случая ухода с боя. Танки зашли на оборонительный участок этой роты и начали ходить по траншеям, просто давить своими гусеницами бойцов и командиров и не только давить гусеницами, но обливать какой-то горючей жидкостью, от которой всё моментально воспламенялось. Бойцы дрогнули, некоторые стали проявлять трусость, тогда политрук Вихрев вмешался в это дело, обеспечил стойкость. Когда образовался прорыв на самом правом фланге роты, он побежал туда. Отбивались гранатами и бутылками с «ккс» до последнего человека. Был такой момент. Немецкий танк шёл прямо на него. Когда он был метрах в 10-15, то боец, который остался с Вихревым, поднял руки, хотел сдаться немцам в плен. Будучи тяжело раненным, Вихрев набрался мужества и пристрелил этого бойца-изменника, а сам с гранатой и бутылкой бросился под танк, который шёл на него. Танк взорвался.

За это проявление героизма мы представили Вихрева к званию Героя Советского Союза посмертно. Он погиб, но опять-таки немецкие танки на этом участке не прошли.

Герой Советского Союза генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Художник С. М. Бондар. Подписано к печати 2 июня 1942 года. Тираж 15 000 экземпляров. Алма-Ата.

Немцы потеряли больше десяти танков, которые напирала на эту роту, и вынуждены были отойти»¹².

Из стенограммы беседы с Джетпысбаевым Балтабеком, гвардии майором, командиром 3-го батальона 1073-го полка. Запись беседы сделана 2 января 1947 года в Алма-Ате.

«В ночь с 15 на 16 ноября сидели с Клочковым до 2-х часов ночи. Потом легли отдохнуть, готовиться к бою.

Моя рота стояла метрах в 500 от Клочкова. Клочков стоял со своей ротой у самой железной дороги, я стоял левее.

Малик Габдулин¹³ командовал ротой автоматчиков.

С утра 16 ноября начали бой. К нам подошли 4 немецких танка. Два из них подбили, два вырвались. Два раза атака была. Атака была отбита.

Большинство танков пошло в район разъезда Дубосеково, где Клочков погиб. Мы видели: поворачиваются и туда идут танки. Там шёл бой.

Командиром 2-го батальона в это время был майор Решетников, комиссаром батальона был Трофимов. В этот день с утра до позднего вечера не могли прорваться немцы. Много самолётов бомбило наши позиции, танки и пехота»¹⁴.

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073-го полка. (Дата записи беседы не указана; лист-заверитель в деле от 29 декабря 1942 года.)

«Наша дивизия, согласно разработанному плану, должна была наступать. Мы знали наличие сил противника. Против нас сконцентрировалось 6 дивизий. Противник воспользовался нашей медлительностью и упредил нас. Вместо нашего наступления противник большим количеством танков сам начал наступать, прорвался через 75-й полк, который был на левом фланге, оставил 6 танков, подбитые 1-м батальоном»¹⁵.

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. (Дата записи беседы не указана; лист-заверитель в деле от 29 декабря 1942 года.)

«16/XI немцы возобновили наступление и 17/XI прорвались из Волоколамска на Дубосеково, где стояла 4-я рота 75 полка и где колонне танков преградила путь горстка храбрецов в 28 человек, стойко отражавшая атаку 50-ти немецких танков (Подвиг 28).

К 16/XI положение было таково. 2-й батальон обороняет Ядрово, 3-й батальон вовсе не существует, остатки его влились во 2-й батальон, так как большая часть погибла в боях за Волоколамск и на подступах к городу. 1-й батальон, находясь в резерве дивизии, обороняет ст. Матренино, Горюны, 2-я стрелковая рота находится в районе отметки 231,5.

Немцы в количестве 30 танков в районе Дубосеково прорывают оборону 75 полка и выходят на Ядрово, прямо к лесу по направлению к штабу полка. Мы принимаем короткий, непосильный бой и небольшая группа штабных работников и приштабных подразделений»¹⁶.

В политдонесении начальника политотдела 316-й сд Галушко в политотдел 16-й армии за 17 ноября 1941 года сообщалось, что, несмотря на самоотверженность личного состава 1075-го полка в боях, 16 ноября противника остановить не удалось, поскольку противотанковая оборона оказалась весьма слабой»¹⁷.

Итак, с чем можно согласиться? С тем, что противник, упредив наше наступление на Волоколамск 16 ноября, сам начал в этот день вести активные боевые действия (начало второго ноябрьского наступления на Москву) в полосе обороны 316-й стрелковой дивизи-

зии Панфилова, нанеся основной удар по её левому флангу, где держал оборону 1075-го полк полковника Капрова. Причём первыми на себя приняли удар небольшие подразделения (до взвода) истребителей танков, которые окапывались на танкоопасных направлениях, перекрывая в первую очередь шоссе и дороги, ведущие к Москве. Как видно из воспоминаний Васильева, их подразделение накануне боёв 16 ноября представляло собой небольшую группу человек в тридцать. Несмотря на героические действия бойцов и командиров 4-й и 5-й рот, которые смогли успешно отразить первые атаки противника, во второй половине дня немцам всё же удалось прорвать линию обороны 1075-го полка и выйти в тыл соседнего 1073-го.

А что же происходило в это время рядом? Оказывается, что не менее героически дрались с немцами оба других полка! И наряду с подвигом 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, о котором в скором времени будут писать во всех газетах, был подвиг 17 бойцов из 1073-го полка в районе села Мыканино и подвиг 11 сапёров из 1077-го в районе села Строково, о которых мы мало что знаем даже сегодня, спустя 70 лет после битвы под Москвой. И наш долг вспомнить о них, о тех, кто своими жизнями отстоял Москву в 1941-м.

Баурджан Момыш-Улы писал в своей книге «Психология войны»:

«17 ноября стало днём наиболее яркого проявления массового героизма солдатами и офицерами нашей дивизии. Справедливо называют подвиг 28-ми образцом героизма, но в тот день это было не единичным случаем. В этот же день на участке 1077-го полка, в районе деревни Строково 11 сапёров ведут борьбу с 20 танками противника и героически погибают. В этот же день в районе деревни Мыканино 17 бесстрашных под командованием лейтенанта Угрюмова и политрука Георгиева ведут гранатный бой против 25 танков. Из 17 человек уцелело только двое, и они подбили восемь танков. Немцы вынуждены были повернуть назад. В районе деревни Ядрово, в тылу 2-го батальона 1073-го стрелкового полка младший лейтенант Исламкулов Мухаметкул и лейтенант Огуреев, случайно очутившись в тылу с 20 стрелками, отражают атаку батальона немецких автоматчиков. В этот же день в районе Дубосеково против 50 танков ведут борьбу под командованием Ключкова 28 бойцов 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича 1075-го полка полковника Капрова (Гундилович впоследствии погиб в чине майора). В этот же день массовый героизм проявили 80 стрелков командира Семёна Краева, политрука Ахтана Хасанова, на станции Матрёнино 120 стрелков под командованием лейтенанта Филимонова Ефима Ефимовича и 90 стрелков под командованием лейтенанта Танкова в деревне Горюны на Волоколамском шоссе. Вот сколько случаев

имели место 17 ноября 1941 года, а не только подвиг 28-ми. Если мужество каких-либо групп, подразделений или отдельных бойцов осталось неотмеченным, то это не делает чести командиру, руководству, значит, они не до конца выполнили свой долг. Было бы совершенно несправедливо и неумно, если бы мы успех всех героев целиком и полностью считали заслугой 28. Они были и есть — 28, и я до земли преклоняюсь перед их мужеством. Считаю его образцом массового героизма, но когда говорят, что они были единичны, это уже не делает чести дивизии. Вторая сторона дела — почему герои обязательно погибают, почему их не выручают? На самом деле были приняты все меры, как со стороны генерала Панфилова, так и Капрова, Гундиловича, но все старания были безуспешными, потому что сила есть сила, и превосходство противника есть превосходство. Основой побед нашей дивизии против шести дивизий противника являлись хорошие боевые качества солдат и командиров и действия генерала Панфилова как руководителя. Массовый героизм был присущ бойцам не только в день 17 ноября, а везде и всюду. Что такое массовый героизм? Это борьба, техника, искусство ведения боя, поведение солдат и офицеров. Восемь человек не победят 80 никогда, сила все-таки есть сила, но, как гласит казахская поговорка, кулаком убьёшь одного, умом — тысячи. Суворова говорил, что побеждают не числом, а умением.

8-я дивизия вышла против шести немец-

ких дивизий не кулаком, а умом офицеров и солдат своих, искусством ведения боя»¹⁸.

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем:

«Этот день 16 ноября мы вообще считаем днём, когда дивизия утвердила свои традиции, свою боевую славу. Кроме этих двадцати восьми, был подвиг семнадцати сапёров, подвиг одиннадцати.

В этот день все три полка дивизии, в том числе и артиллерийский полк, проводили бои, и несмотря на то, что нам пришлось с этого рубежа отойти, однако надо считать, что это был один из знаменательных дней для нашей дивизии....»¹⁹

На этом мы завершим первую часть нашего повествования. Предельно ясно одно: подвиг 28 героев-панфиловцев был, в годы войны он сыграл исключительную мобилизующую роль, став примером стойкости, мужества и самопожертвования. В жестоких боях на подступах к Москве 8-я гвардейская дивизия нанесла противнику большой урон в живой силе и технике. Находясь на направлении главного удара на волоколамском направлении, она не пропустила немцев к Москве. И это очевидный исторический факт, который никто не сможет оспорить, пока в нашем народе живёт память о командирах и бойцах панфиловской дивизии, не щадивших жизни в боях за Родину..

Окончание следует

Примечания

1. Об этом со справедливым возмущением недавно писал в «Родине» академик Ю. А. Поляков. См.: Поляков Ю. Впервые в истории — год истории // Родина, 2011. № 10. С. 3–6.
2. Комиссия по истории Великой Отечественной войны была образована 10 декабря 1941 г. постановлением секретариата МК и МГК ВКП(б). Впервые небольшие фрагменты из стенограмм бесед с панфиловцами были использованы в работе академика А. М. Самсонова «Великая битва под Москвой. 1941–1942» ещё в 1958 г. В 1990–2000-е гг. отдельные документы из данного фонда публиковались в работах ведущих российских специалистов по истории Великой Отечественной войны, так, в частности, в работе академика Г. А. Куманёва «Подвиг и подлог» были опубликованы фрагменты из стенограмм бесед с И. Р. Васильевым и Г. М. Шемякиным. Однако, несмотря на свою огромную информативность и научную ценность, до сих пор в научный оборот документы комиссии в полной мере не введены, о их существовании известно лишь узкому кругу специалистов. На сегодняшний день фонд Комиссии по истории Великой Отечественной войны насчитывает около 19 тысяч единиц хранения.
3. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 320. Впервые справка-доклад «О 28 панфиловцах», составленная военной прокуратурой в мае 1948 г., была опубликована: Петров Н., Эдельман О. Новое о советских

- героях // Новый мир. 1997. № 6.
4. Известия. 1941. 19 ноября.
5. Цит. по: Катусев А. Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 73–74. Впервые фрагменты из следственного дела И. Е. Добробабина, в котором имеются показания бывшего командира 1075-го полка И. В. Капрова, военных корреспондентов В. Чернышёва, В. Коротеева, литературного секретаря газеты «Красная звезда» А. Кривицкого и редактора этой газеты Д. Ортенберга, которые они давали по этому делу в ходе следствия в 1948 г., были опубликованы в статье сотрудника Главной военной прокуратуры СССР генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева в «Военно-историческом журнале» в 1990 г.
6. Научный архив ИРИ РАН.
7. Там же. Дело Героя Советского Союза Василиева Иллариона Романовича. Л. 3–4 об.
8. Там же. Раздел I. Оп. 28. Д. 28. Л. 1 об. — 2 об.
9. Правильно Мухамедьяров Ахмеджан Латыпович.
10. Через некоторое время Натаров от полученных ранений скончался в госпитале. По словам Кривицкого, о подробностях боя у разъезда Дубосеково он узнал от разысканного им в госпитале умиравшего Натарова. В 1970-е гг. писатель так вспоминал о прокурорской комиссии: «Мне

- было прямо сказано, — заявил Александр Юрьевич, — что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосекова полностью выдумал я и что ни с кем из тяжело раненных или оставшихся в живых панфиловцев перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу очутиться в районе Печоры или Колымы. А оказаться там мне как-то не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я «признал», что многое в моих публикациях о 28 героях представляет «литературный вымысел»...» См.: Куманёв Г. А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. 2007. С. 140.
11. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 2 об. — 3.
12. Там же. Д. 18. Л. 3 об. — 4 об.
13. Правильно Малик Габдуллин, старший политрук 1073-го полка. 30 января 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками ему было присвоено звание Героя Советского Союза.
14. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 27. Л. 4.
15. Там же. Д. 1. Л. 8.
16. Там же. Д. 3. Л. 5.
17. Цит. по: Катусев А. Ф. Указ. соч. С. 74.
18. Баурджан Момыш-Улы. Психология войны: книга-хроника. Алма-Ата. 1990. Цит. по: http://www.odinvoпрос.ru/lib/baurdjan_01.php
19. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 3.